

Василий Аксенов

Жаль, что вас не было с нами

*Часть сборника
Гибель Помпеи (сборник)*

Василий Аксенов

Жаль, что вас не было с нами

«ЭКСМО»

1965

Аксенов В. П.

Жаль, что вас не было с нами / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1965

ISBN 978-5-457-09909-8

«За что, не знаю, такого тихого человека, как я, выгонять из дому? Бывало, когда сижу в комнате у калорифера и читаю книги по актерскому мастерству, когда я вот так совершенствуюсь в своей любимой профессии, слышно, как вода из крана капает, как шипит жареная картошка, ни сцен, ни скандалов, никому не мешаю...»

ISBN 978-5-457-09909-8

© Аксенов В. П., 1965

© Эксмо, 1965

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василий Аксенов

Жаль, что вас не было с нами

1

За что, не знаю, такого тихого человека, как я, выгонять из дому? Бывало, когда сижу в комнате у калорифера и читаю книги по актерскому мастерству, когда я вот так совершенствуюсь в своей любимой профессии, слышно, как вода из крана капает, как шипит жареная картошка, ни сцен, ни скандалов, никому не мешаю.

А если и задержусь где-нибудь с товарищами, опять же возвращаюсь домой тихо, без сцен, тихо стучусь и прохожу в квартиру бесшумно, как кот.

Короче, выдворила. Распахнула передо мной двери в пространство, в холодеющий воздух, на Зубовский бульвар; и, поджав хвост, двинулся к Кропоткинскому метро, по пустой улице, куда – неизвестно; ах, мне ведь не восемнадцать лет, и зима на носу; только и успел я собрать все свои справки и диплом.

Я шел с портфелем, в котором только бумажки и белье, поводя трепещущими ноздрями, унося в себе все обиды и раннюю язву желудка, кариозные зубы и здоровые, одну золотую коронку и запас нерастраченного темперамента; нервы, нервы, сплошная нервозность. Вы знаете, когда возникает заколдованный круг человеческих недоразумений, тут уже ничего вам не поможет – ни трезвый рассудок, ни проявления нежности, ничего. Даже общественный суд.

«Эх, Соня, Соня», – думал я.

Короче, стою я один на Пушкинской площади. Пальто уже не греет. «Летайте самолетами. Выигрыш – время!» Это написано над магазином легкого женского платья. Изящная фигура в прозрачном силоне. Доживу ли я до лета?

Потом погасла реклама Аэрофлота, Александр Сергеевич Пушкин – голову в плечи, пустынный вихрь на морозном асфальте, две легкомысленные девушки. Эх, взяли бы к себе, только для тепла, только для тепла, и ни для чего больше, но нет, только катятся и катятся золотые, оранжевые, изумрудные буквы по крыше «Известий», теплые радостные буквы, как последние искры лета, как искры последней летней свободы: «Часы в кредит во всех магазинах «Ювелирторга».

Вот это идея, подумал я. Пора мне уже завести себе часики, чтобы, значит, они тикали и вселяли бы в мою душу гармонию и покой. К счастью, я увидел скульптора Яцека Войцеховского. Яцек шел по другой стороне улицы Горького, медленно двигался, как большой усталый верблюд. Заметил я, что он уже перешел на зимнюю форму одежды. Отсюда, через улицу, в своем шалевом воротнике, он выглядел солидно и печально, как большой художник, погруженный в раздумья о судьбах мира по меньшей мере и уж никак не о кефире и булке на завтра.

– Яцек! – закричал я. – Яцек!

– Миша! – воскликнул он, подошел к краю тротуара, занес свою большую ногу и, глубоко вздохнув, как большой верблюд, двинулся вброд.

Короче, поселился я у него в студии. Днем я все шустрил по Москве, а вечера коротали вместе. Разговаривать нам с ним особенно не о чем было, да из-за холода и рта раскрывать не хотелось. Мы сидели в пальто друг против друга и глядели в пол, сидели в окружении каменных, и глиняных, и гипсовых, и деревянных чудищ и прочих его польских хитростей и думали думу.

Вообще дела у Яцека были далеко не блестящи: он запорол какой-то заказ и поругался со всеми своими начальниками. Такой человек – день молчит, неделю молчит, месяц и вдруг как скажет что-нибудь такое – все на дыбы.

Да, дела наши были далеко не блестящи. Короче, ни угля, ни выпивки и очень небольшие средства для поддержания жизни.

– Вот сегодня я бы выпил, – как-то сказал Яцек.

– Ах, Яцек, Яцек. – Я стал ему рассказывать, какие вина выставлены нынче в Столешниковом переулке.

Вина эти – шерри-бренди, камю и карвуазье, баккарди, кьянти и мозельвейн – в разнообразных заграничных бутылках мелькали в окнах роскошного этого переулка, и вместе с пышечным автоматом, где плавали в масле янтарные пышки, вместе со снегопадом мягкой сахарной пудры, с клубами кухонного пара из кафе «Арфа», с чистыми, как голуби, салфетками ресторана «Урал», с застекленной верандой этого ресторана, где за морозными разводами светились розовые лица моих веселых современников, – ах, вся эта сладкая жизнь была нам сейчас недоступна.

– Я бы сейчас от перцовки не отказался, – проскрипел Яцек. – Перцовка – це добре.

Опять мы замолчали. Яцек, король своих уродов, сидел, скрестив крупные пальцы, и смотрел на кафельный пол, а уроды его, бородатые каменные мужики и грудастые бабы, маленькие и большие, прямо-таки горой вздымались за его спиной, прямо как полк, только бы дал он приказ – и они тронутся в поход, пугая приличных людей.

Года два назад в Доме журналистов кто-то болтал, что Яцек почти гений, а если еще поработает, так и вообще гением сделается, но сейчас он не работал и даже не смотрел на своих уродов. Кажется, он был в оцепенении.

Я тоже был эти дни в каком-то оцепенении, но все же днем я безвольно метался по массовкам и, пользуясь могуществом знаменитых своих друзей, зарабатывал иной раз трешницы. Все же я помнил, что мне надо питать и себя, и Яцека.

А он ничего не помнил, так и сидел день-деньской в своей дорогой шубе и смотрел на кафель. Лишь иногда вставал, чтобы разогнать кровь по стареющим жилам. Вот только сегодня он высказался насчет выпивки, и я этому был рад, даже при отсутствии реальных надежд.

– Может быть, поедem к кому-нибудь, Яцек? – спросил я. – В конце концов...

– Отпадает, – сказал он и встал.

Я посмотрел на него снизу, увидел, какой он большой и почти великий, и понял – действительно, ездить к кому-нибудь ему не пристало. Да я и сам не любитель таких занятий. Тяготы жизни еще не сломали мою индивидуальность. Сам я могу угостить, когда при деньгах, никогда не скуплюсь, но ездить к кому-нибудь и сшибать куски – экскюз ми!

А Яцек что-то заходил-заходил, задвигался и вдруг нырнул в каменные свои джунгли, в пещеру, в дикий этот храм, замелькала по обширной студии его каракулевая шапка.

Он появился, таща в руках, как охапку дров, три небольшие фигуры – по полметра примерно длиной.

– Вот, – сказал он, – давай продадим эти вещи.

И поставил одну из фигур на пол. Это была небольшая женщина, сидящая по-турецки, шея длинная-длинная, маленький бюст, а ножищи очень толстые, непропорционально развитые ноги.

– Ранний период, – сказал Яцек и покашлял в кулак.

Может быть, раньше это была сравнительно приличная скульптура, но, пройдя через разные яцековские периоды, стала она темной, пятнистой и в трещинах.

Яцек очень волновался. Он ходил вокруг фигуры и вздыхал.

– Да-а, – сказал я. – Продашь ее, как же.

– Знаешь, – шепнул мне Яцек в волнении, – это шикарная вещь.

– Так она же вся в трещинах.

– Миша, что ты говоришь? Ведь это же от холода. В тепле она согреется и трещин не будет.

– А почему шея такая длинная?

– Ну, знаешь, – взревел он. – Уж от тебя я этого не ожидал!

– Тише, Яцек, дорогой, – сказал я. – Не кричи на меня. Я, может, больше тебя заинтересован, чтоб продать, но трещины...

– Я их сейчас замажу! – закричал он и вмиг замазал эти трещины.

Ладно, мы пошли. Завернули эти фигурки в старые номера «Советской культуры» и направились на улицу.

Мы направились во Фрунзенский район, как в наиболее культурный район столицы. Густота интеллигенции в этом районе необычайна. Говорят, что на его территории проживает до двухсот тысяч одних доцентов.

В общем, так: по лунным тихим переулкам, минуя шумные магистрали, по проходным дворам, известным мне с детства, а также по работе в кино, под взглядами теплых окон интеллигентских жилищ, торопливыми шагами мимо милиции, фу...

Как-то так получилось, что в ваянии до того времени я еще не разобрался. В музыке я понимал кое-что, умел отличить адажио от скерцо, в живописи – масло от гуаши, а в скульптуре для меня что глина, что алебастр – все было одно. Только знал я, что Яцек – великий человек.

– Произведение выдающегося скульптора, реэмигранта из Западной Боливии. Используются мотивы местных перуанских инков, – сказал я отставному интенданту, каптенармусу, крысолову, Букашкину-Таракашкину, ехидному старичку. – Импорт, – сказал я ему. – Не желаете? За пятерку отдам.

Таракан Тараканович поставил женщину с замазанными трещинами на коврик в своей прихожей, поползал вокруг и сказал:

– Похоже на раннего Войцеховского.

– Яцек! – закричал я, выбежал на лестницу, стащил вниз своего друга и показал ему в открытую дверь на ползающего старичка.

– Куда ты меня привел, Миша, – слабо пролепетал Яцек, – это же академик Никаноров.

Да, попали мы на академика, как раз по изобразительному искусству. И вот академик Никаноров накидывает пальтишко и требует его в студию свезти.

В студии Яцек стал ворочать своих каменных ребят, а я ему помогал, а академик Никаноров сидел на помосте в кресле, как король Лир.

– Давно я к вам собирался, – говорил он, – давно. Очень давно. Ох, давно. Давным-давно.

Он восхищенно подмигивал мне и тайком любовно кивал на Яцека, а у меня сердце прямо кипело от гордости.

– Это все старые вещи, – сказал Яцек и снял с головы каракуль. – Я уже год не работаю.

– Почему же вы не работаете? – спросил академик Никаноров.

– А вот не хочу и не работаю, – ответил Яцек, положил локоть на голову одному своему мужику и стал смотреть в потолок.

Академик Никаноров восхищенно затряс головой, подмигивая мне.

– А самодисциплина, Войцеховский, а? – строго вдруг сказал он.

– Мало ли что, – сказал Яцек. – Не хочу – не работаю, захочу – заработаю. Хоть завтра.

– Какая луна нынче синяя, – сказал академик Никаноров, глянув в окно.

2

Так. Жизнь стала налаживаться. Топливо. Пища. Академик Никаноров с товарищами закупил у нас ряд работ. Работать Яцек еще пока не начал. Но все же пальцами стал чаще шевелить, видимо, обдумывая какой-то замысел. А я по хозяйству хлопотал: ну там стирка, мелкий ремонт одежды, приготовление пищи, уборка, то-се, дел хватало.

Вдруг однажды он встряхнулся, ножищами затопал и сказал:

– Пойдем, Миша, до ресторации. Мы с тобой деятели искусств и обязаны вечера в застольной беседе проводить. Освежи, – говорит, – мне костюмчик.

Глазам своим не верю – Яцек снимает шубу, пиджак, брюки и начинает делать гимнастику.

Тут я развил бешеную деятельность. Быстро утюгом освежил наши костюмы, галстуки, подштопал носки. Вырядились мы и отправились в Общество Деятелей Искусств – ОДИ.

Ресторан этот очень шикарный: в нем красный цвет соседствует с черным, но главенствует голубой, в нем бамбуковые нити трещат, как в тропиках, а глаз успокаивает присутствие скромных берез, в нем вам поднесут по-свойски, как в семье, и стряхнут мусор со стола, и никто не гаркнет – сходи домой переоденься!

В некоторой степени теснота локтей за длинным столом, дележ нехитрой закуски, жюльен там или филе по-суворовски, мерное течение диалогов и веские репризы, круговая чаша и шевеление под столом знакомых добрых ног – все это в некоторой степени нужно для нервов. А то бывает, что к вечеру нервы шалят, и начинаешь что-то считать, то ли годы, то ли обиды...

Мне тридцать пять лет, а по виду и сороковку можно дать. Друзья, которых давно не видел, говорят: «Мишу Корзинкина прямо не узнать. Жуткий какой-то стал». Все это так, но я часто, знаете ли, ловлю себя на каких-то странностях. К примеру, собираются за столом люди моего возраста, а то и гораздо моложе мужчины, и говорят о знакомых и понятных мне вещах, и вдруг я ловлю себя на том, что чувствую себя среди них как ребенок, что все они знают то, чего не знаю я. Лишь одна мысль утешает: а вдруг и каждый из них чувствует себя ребенком в обществе и только лишь притворяется так же, как я притворяюсь? Может быть, каждый только пыжится в расчете, чтобы его не сбили с копыт?

В ресторане первым делом мы увидели Игорька Баркова, и к нему мы с Яцеком и подсели.

– Как дела? – спросил Игорек, крутясь на стуле, сверкая глазами то вправо, то влево.

– А тебя можно поздравить? – спросил я его.

На прошлой неделе Игорек (он режиссер) получил в Сан-Франциско премию «Золотые ворота» и прилетел домой уже лауреатом.

– Да, – сказал Игорек. – Спасибо, Яцек, – сказал он. – Ты мне пятерку не займешь? Батюшки! – закричал он. – Ирка появилась!

Сквозь щелканье бамбука под кривыми зеркалами и декоративными глыбами прошла Ирина Иванова, наша мировая звезда, высокая прекрасная девица, вся на винте. Шла она без лишних слов, лишь юбка колыхалась на бедрах, привет, привет, да и только.

Увидев Баркова, она присела к нам, и Игорек нас познакомил.

Год был на исходе. Выходит, значит, так: от снежных колких буранов к весенней размазне, а потом к шелестящей велосипедной команде на просохшей мостовой, от духоты наемной нашей дачи и от трясины пруда, от Сонечкиных осенних страстей к позднему моему изгнанию, от бед и унижений к знакомству с Ириной Ивановой?

– Я хочу вас ваять, – сказал Яцек Ирине.

– Валяйте, – сказала Ирина и повернулась ко мне: – А вы тот самый Корзинкин?

Не знаю уж, что на меня нашло, но только не мог я терпеть насмешек от Ирины Ивановой.

– Какой это тот самый? – воскликнул я. – Что это значит – тот самый? Все это ложь! Никакой я не тот самый! Я сам по себе, без них всех, и вовсе я не тот самый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.